

ГОЛОС ПАМЯТИ

СТОИЛО мне ступить на асфальт амстердамского аэродрома — и уже до самого последнего часа поездки по Нидерландам передо мной вставала давняя картина встречи с голландцами под осажденным нашими войсками Берлином.

Было это на апрельском рассвете 1945 года. Внезапный бросок наших танкистов вызволил пленников из гитлеровского концентрационного лагеря. Они шли нам навстречу по военной дороге мертвенно-бледные, изможденные. Но глаза их светились несказанной радостью. Идущая впереди девушка, завидя на шоссе советских офицеров, высоко над головой подняла кусок бельевого полотна с наскоро выведенной надписью по-голландски. Мы опубликовали эту надпись во фронтовой газете: «Не забудем тех, кто нас угнетал, и тех, кто нас освободил!» Девушка с плакатом оказалась участницей голландского Сопротивления. Она по слогам продиктовала нам на-

ков, самоотверженно пытавшихся оборонять от оккупантов Роттердам и на гранитной фигуре труженика, олицетворяющей единодушный протест голландского народа против эсэсовских зверств в амстердамском гетто, и на скульптурном изображении девушки с факелом, распростершей руки над центральной площадью Утрехта.

«Помните о павших во имя живых» — высечено на пьедестале утрехтского монумента.

Помнят ли в Голландии о павших, чтят ли их память? Помнят и чтят.

Мы были растроганы многочисленными свидетельствами заботы о могилах советских военнопленных, расстрелянных гитлеровцами в концентрационном лагере близ города Амерсфорта. Это были раненные и контуженные советские пограничники, захваченные фашистскими войсками в первых боях на границе. На каждой могиле — белая плита с пятиконечной звездочкой и именем захороненного советского патриота. Братское кладбище окаймлено строем елей и еосен. Возвышаясь над ними, колыхается под ветром высокая белоствольная — по-настоящему русская — береза. И шум ее листьев звучит здесь, словно песня, прилетевшая с далекой Родины.

Голландский народ помнит ужасы войны и оккупации. Вот почему его тревожит ныне занесенная над экономикой мирной Голландии жадная

го засилья. Они смеялись, что только это может заставить голландское население смириться со статьями «провос», которые, разбившись на парочки, предаются в самых оживленных местах интимным ласкам, прокламируя при этом борьбу за... «свободу личности». Когда же «провос» приняли чересчур уж действенное участие в народных демонстрациях против брака наследницы трона с бывшим гитлеровским танкистом, голландцы многое простили изрядно надоевшим им своим скандальными бесчинствами молодым оппозиционерам.

Не совсем верно было бы отождествлять «провос» с «битниками» из многих западноевропейских стран. «Провос» не только одеваются с изысканной небрежностью, не только практически пропагандируют остревенные ультрамодерные танцы вроде «слопа», то есть «головомойки», не только пугают добропорядочных граждан своими экстравагантными выходками на улицах, но неизменно и крикливо подчеркивают политическое существо своей «борьбы» против несправедливостей современной жизни. Они поэтому выставляют своих кандидатов во время выборов в местные муниципальные органы и даже в парламент. Власть, правда, взирают на это как на шалости бездельников.

Иногда, однако, похождения «провос» заканчиваются судебными про-

парохода «Вероника», положил начало выгодному бизнесу, обескровившему деятельность «законных» радиостанций. И отступил... закон. В марте прошлого года на этой почве возник правительственный кризис, завершившийся сменой кабинета. А сейчас окончательно легализованы передачи любой требующейся коммерсантам рекламы по радио и телевидению.

Очень много и охотно рассказывают иностранцам о царящем в Нидерландах «благотворительном» духе свободного предпринимательства». При этом принято ссылаться на многочисленные и самые разнохарактерные аукционы.

Правда, аукцион сыра на церковной площади древнего городка Алеммара, где под звуки ярмарочного оркестриона сыр выносят и уносят шагающие вприпрыжку носильщики в белых халатах и огромных шляпах всех цветов радуги, служил преимущественно для привлечения туристов.

НА ТОРЖИЩЕ ЦВЕТОВ

З АТО постоянно действующий и оснащенный по последнему слову биржевой техники аукцион цветов в Алеммере красноречиво говорит, что великолепное многоцветье полей тюльпанов и гиацинтов, что сверкающие многокилометровым стеклянским покровом города цветочных оранжерей — это далеко не поэзия, не эстетика, а высокоразвитая цветочная индустрия.

В огромных ангарах алеммерского аукциона ежедневно продаются с публичного торга тюльпаны, гиацинты, розы, нарциссы на десятки тысяч гульденов. Вы любуетесь голубоватыми розами ценою в два гульдена каждая. Но если сегодня утром за розы не предложат такой цены, сегодня же вечером цветы будут уничтожены: это выгоднее, нежели допустить снижение цен.

Построенный на манер университетской аудитории аукционный зал заполнен самоуверенными представителями крупных экспортных фирм и подобострастно на них вззирающими мелкими перекупщиками.

Когда служители в голубых халатах вывозят на металлических платформах бутоны и бутоньерки — образцы только что запроданной партии, создается впечатление, что цветы хоронят — настолько мертвенно-бледными и поникшими кажутся они. Есть что-то, простите, гробообразное в больших ящиках, в которых цветы увозят на аэродром...

Уже покидая аукцион, фиксируешь странное обстоятельство: в помещении совершенно не ощущаешь цветочного аромата. Удивительно? Но это действительно так. В ответ на мой вопрос сотрудница крупнейшей цветочно-экспортной фирмы «Зантен» только мило улыбается и пожимает плечами. А пожилой служащий как бы всколыхнул роняет:

— Фирме нужно, чтобы цветы росли быстро — для этого применяют много химикатов. Вот они, наверно, и крадут у цветов аромат.

Не знаю, насколько обоснованно это заключение с точки зрения ботаники. Но здесь, на грустном по своему механическому однообразию торжище цветов, в столице цветочной торговли Алеммере, оно звучит убедительно и символично.

266

ГДЕ ВЫ, ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА!

С РЕДИ проданных на аукционных торгах цветов была большая партия глициевых тюльпанов с узорчатыми, словно искусно вырезанными лепестками под названием «Лучшие времена». На фоне таких названий, как «Глаза королевы», «Улыбка принцессы», «Утренний поцелуй», «День рождения», «Большой театр», «Американский флаг», «Любовь студента» и многих других, оно приобретало весьма злободневное звучание. Ведь от голландцев любых рангов, профессий и возрастов частенько можно услышать о лучших временах.

Как говорят сами голландцы, четыре тысячи шестьсот их миллионов (среди них титулованная знать — отпрыски «черной крови») наверняка имеют все основания рассуждать о лучших временах непосредственно в настоящем времени — в их руках пятая часть всего национального дохода. Но их соотечественникам, зарабатывающим хлеб насущный собственным трудом, остается только надеяться на лучшие времена в будущем. Особенно это относится к завсегдатаям «дома дяди Яна», как здесь шут-

ГОЛЛАНДСКИЕ ВСТРЕЧИ

звание города, где родилась и жила, — Зандфорт.

Я не забыл и никогда, видно, не смогу забыть ужасающего контраста юного лица девушки с седой — совершенно седой! — головой. Не забыл я и названия родного города этой девушки.

Мне почему-то казалось, что Зандфорт — крупный город, вроде Гааги или Амстердама. И вот более двадцати лет спустя на песчаном, взвихренном североморскими ветрами берегу Зандфорта — маленького рыбацкого городка близ Гарлема — я слушаю рассказ старожилки, смотрителя лодочной пристани:

— Зимой сорок третьего года немские оккупанты пригнали сюда на принудительные работы советских военнопленных. Фашисты хотели убедить голландцев, что русские — это дикари, они запрещали пленным постричься и сменить рваные обноски на одежду, которую мы им пытались дать. Но добрые сердца наших людей не ожесточились даже за колючей проволокой. Они урывали из своих жалких пайков кое-какую частицу для наших голодающих детей. Оккупанты забрали у нас все продовольствие, а нам издевательски советовали охотиться за морскими птицами. И тогда русские после двенадцатичасового рабочего дня на стужу стали мастерить нашим мальчикам рогатки для охоты. В некоторых домах еще до сих пор хранят эти рогатки как память о той злой поре...

Возвращаясь из Зандфорта, мы проезжаем мимо места, где в золотистых дюнах оккупанты расстреляли молодую героиню голландского движения Сопротивления Иоханну Шафт. Многие черты характера — и подвиги славной голландской партизанки выведены в изданном у нас на русском языке волнующем романе Тейн де Фриса «Рыжеволосая девушка» в образе подпольщицы Ханны, от лица которой автор ведет повествование.

Мы выходим из автобуса и молча глядим на возвышающийся над морем памятник юной патриотке. У его подножия горит вечный огонь. В моем сердце он еще раз пробуждает воспоминания о седоволосой голландской девушке, освобожденной от гитлеровской каторги моими соотечественниками.

ЧТО ТАКОЕ «ИНВЕСТИЦИИ»!

НА ПАМЯТНИКЕ Иоханне Шафт высечены суровые слова, призывающие голландцев не забывать трагедии фашистского нашествия. Такие же гневные призывы можно увидеть и на монументе в честь храброй горстки моря-

целью западногерманского капитала. Простые голландцы с неприязнью глядят на вывески и рекламу смешанных германо-голландских концернов и предприятий. Особенно много их в городе, наиболее пострадавшем от варварских бомбардировок гитлеровской авиации, — Роттердаме. Но немало таких зловещих признаков и в других голландских городах, даже в тихом, академически чинном Лейдене, известном своим старинным университетом.

Существует мудреное словечко «инвестиции», означающее помещение капитала. Так вот крупнейшие концерны ФРГ инвестируют все больше и больше своих капиталов в ключевые отрасли голландской промышленности. Для голландского народа это означает, проще говоря, все большую и большую экономическую зависимость от своих воинственных соседей, причинивших столько горя Нидерландам в дни войны. Может ли такая экономическая экспансия, подкрепляемая реакционными выкриками и бражничем оружия, не тревожить голландцев?

Не могу не сослаться на высказывания одного из работников амстердамской киностудии «Синнетол». Немного словного и застенчивого, его словно прорвало, когда речь зашла о попытках киноделов из ФРГ запустить руки и в весьма еще незрелую и неокрепшую голландскую кинематографию:

— Я не разбираюсь в экономических проблемах! Но меня охватила дрожь: подумайте, я прочел в газетах, что более трехсот химических и машиностроительных предприятий подпали под власть американцев и немцев. А теперь, что же, очередь за кинематографией?

Для голландцев такие высказывания весьма, как говорится, типичны.

КОРОТКО О «ПРОВОС»

ДАЖЕ длинноволосые, накрашенные и не столь часто улыбающиеся анархистствующие молодые люди и их подружки в подернутой грязных свитерах и рваных брюках, известные под кличкой «провос» (корень — провокация), — и те считают своим долгом выступать против немецко-американско-

цессами над их главарями. Так случилось и после праздника «троецки». В Амстердаме мне довелось жить в одном отеле с отрядом провинциальных полицейских, вызванных на дни праздника в помощь амстердамским коллегам. Полицейские просто-душно рассказывали, что на сей раз большинство «провос» не бесчинствовало, а только лишь активно поддерживало студенческую молодежь, пикетировавшую здание американского консульства в знак протеста против войны во Вьетнаме. И в полицию забрали именно тех, кто размахивал под окнами консульства антивоенными плакатами.

— Словом, все сделано было точно по закону, — заключил свой рассказ весьма пожилой, но и весьма еще бравый полицейский.

«ТОЧНО ПО ЗАКОНУ»

И НОГДА в Голландии эту формулировку красочно иллюстрируют весьма своеобразные картинки.

Точно по закону запрещена проституция. Но тот же закон охраняет право распоряжаться своим жилищем как только душе угодно — и открыто оглашенные жрицы продажной любви не только демонстрируют себя в витринах-окнах своих комнат, но и беспрестанно договариваются сквозь стекла с клиентами о сходной цене кратковременного свидания.

Точно по закону полагается платить за стоянку судов у причалов. И по такому же тарифу с амстердамцев, не имеющих жилья в домах и вынужденных ютиться в плавучих домиках на баржах — в так называемых «вонюшках», — взимается квартирная плата за их весьма некомфортные жилища. Это правило соблюдается даже в тех случаях, когда плавучая квартира, щедро обдаваемая дымом и гарью со сбегающих мимо судов, расположена не на городском канале, а в затоне и лишена элементарнейших удобств.

Точно по закону в Голландии запрещалась передача коммерческой рекламы по радио и телевидению. Но предприимчивый судовладелец, первым организовавший передачу коммерческой рекламы с борта своего